
pocket**book**

rocket**book**

ГИЙОМ МЮССО

*Потому что
я тебя люблю*

МОСКВА
2016

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
М98

Guillaume Musso

PARCE QUE JE T'AIME

Copyright © XO Editions, 2007. All rights reserved.

Разработка серии *А. Саукова*

Перевод с французского *Елены Кошелевой*

Мюссо, Гийом.

М98 Потому что я тебя люблю / Гийом Мюссо ;
[пер. с фр. Елены Кошелевой]. — Москва : Из-
дательство «Э», 2016. — 384 с.

ISBN 978-5-699-88954-9

Марк и Николь были счастливы, пока в их жизнь не пришло страшное несчастье — их дочь Лейла исчезла, и никто не мог найти ее. Марк, не справившись с горем, бросил все и ушел бродяжничать.

И вот спустя пять лет Лейлу нашли в том самом месте, где она пропала. Радости Марка не было предела. Он немедленно вылетел за дочерью, чтобы вместе вернуться домой.

Но почему Лейла все время молчит?

Где она была все это время?

И чем объяснить странное поведение Николь, которая отказалась лететь за дочерью вместе с мужем?

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-699-88954-9

© Кошелева Е., перевод на русский язык, 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Ничто лучше, чем роман, не дает представления о том, что реальность устроена плохо, что ее недостаточно для удовлетворения желаний, стремлений и мечтаний человека.

Марио Варгас Льоса

Читателям от автора

Не рассказывайте вашим друзьям, чем заканчивается эта история, иначе сюрприза не будет!

1

Ночь, когда все началось

Мы должны научиться распознавать их сами — самые важные перекрестки на нашем жизненном пути, ведь путевых указателей нет.

Эрнест Хемингуэй

Декабрь 2006 года

Рождественский вечер в самом центре Манхэттена.

С утра беспрестанно падает снег. Скованный холодом «никогда не засыпающий город», кажется, начинает затихать, несмотря на непрерывающуюся вакханалию уличного освещения.

В рождественский вечер машины катятся по улицам на удивление плавно, слой пушистого снега и плотные сугробы затрудняют малейшее передвижение.

На углу Мэдисон-авеню и 36-й улицы один за другим плывут лимузины, стараясь придерживаться заданного ритма. Они доставляют

своих пассажиров к центральному подъезду красивого дома в стиле Ренессанс, туда, где располагается библиотека Моргана. Это один из самых престижных культурных фондов Нью-Йорка, отмечающий сегодня свое столетие.

На парадной лестнице — круговорот смокингов, роскошных нарядов, мехов и драгоценностей. Толпа стекается к павильону из стекла и стали. Он, являясь продолжением здания, гармонично вписывает его в XXI век. Длинный коридор последнего этажа ведет в просторную комнату, где за стеклами витрин выставлены некоторые из сокровищ фонда: библия Гутенберга, украшенные миниатюрами средневековые манускрипты, рисунки Рембрандта, Леонардо да Винчи и Ван Гога, письма Вольтера и Эйнштейна и еще — краешек бумажной скатерти, на котором Боб Дилан¹ написал слова «Blow in the wind» («Унесенные ветром»).

Постепенно наступает тишина, опоздавшие занимают места. На сегодняшний вечер часть

¹ Боб Дилан (1941) — американский автор-исполнитель песен, поэт, художник. По данным опроса журнала Rolling Stones, является второй (после The Beatles) по значимости фигурой в истории рок-музыки. (Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, примеч. перев.)

читального зала специально переоборудована для того, чтобы некоторые привилегированные гости смогли услышать сонеты Моцарта и Брамса в исполнении скрипачки Николь Хэтэуэй.

Под аплодисменты исполнительница выходит на сцену. Это молодая женщина тридцати лет, умная, роскошная в ореоле выпавших на ее долю страданий. Прическа в стиле Грейс Келли придает ей облик хичкоковской героини. Николь Хэтэуэй восторженно принимали на многих сценах мира, она играла с самыми знаменитыми оркестрами и, записав в шестнадцать лет свой первый диск, уже тогда получила бесчисленное количество наград.

Пять лет назад ее жизнь была разрушена. Пресса и телевидение широко освещали эту драму, и с того времени ее известность перестала быть достоянием лишь узкого круга меломанов.

Николь поприветствовала публику и приготовилась играть. Ее классическая красота великолепно сочеталась с элегантностью патрицианского здания, и казалось, что античные гравюры и манускрипты эпохи Возрождения — ее естественная среда. Решительным и наполненным смыслом прикосновением к инструменту ее смычок сразу же заговорил со струнами. И этот диалог продолжился до самого конца исполнения...

За стенами здания — холодная ночь, и снег все падает и падает.

А внутри — комфорт, блеск и утонченность.

Менее чем в пятистах метрах отсюда, недалеко от станции метро «Грэнд-сентрал», медленно приподнимается крышка канализационного колодца. Оттуда высовывается всклокоченная голова человека — взгляд потухший, лицо со следами побоев.

Отпустив черного лабрадора, которого он держал на руках, человек с трудом выбирается на заснеженный тротуар, переходит улицу, зигзагами передвигается по мостовой, не давая автомобилям, закатившим клаксоновый концерт, раздавить себя.

Худой и обесиленный, бомж одет в грязное поношенное пальто. Когда он сталкивается с прохожими, те ускоряют шаг и инстинктивно отходят в сторону.

Это естественно. Он знает, что вызывает страх, что дурно пахнет — мочой и потом.

Ему только 35, а выглядит он на пятьдесят. Раньше у него была работа, жена, ребенок и дом. Но это было давно. Сейчас он — бродячая тень, призрак, обернутый в тряпки, бормочущий бессвязные слова.

Он с трудом держится на ногах, скорее тащится, нежели идет, качается.

Какое сегодня число? Который час? Какой месяц?

Он уже не знает. Все смешалось в голове. Он видит огни города, но они будто расплываются. Снежные льдинки, гонимые ветром, царапают ему лицо, словно крошечные лезвия. Ноги застыли, желудок болит, в костях ломота.

Прошло уже два года с тех пор, как он покинул общество людей, чтобы закопаться в утробе города. Как и тысячи других бомжей, он нашел убежище в подземельях метро, трубах канализации и на железнодорожных путях. Добропорядочные граждане и туристы, спите спокойно: политика нулевой толерантности, проводимая муниципалитетом, принесла свои плоды. Поверхность Манхэттена тщательно зачищена. Но под сверкающими небоскребами теплится параллельная жизнь человеческих отходов Нью-Йорка, обживающих пространства туннелей, ниш и впадин. Тысячи «людей-котов», сброшенные на дно, скрываются от полицейского преследования, втиснутые в грязные подземелья среди крыс и экскрементов.

Это правда.

Человек роется в кармане, чтобы достать бутылку скверного алкоголя. Конечно, он пьет. А как иначе?

Глоток, затем другой.

Чтобы забыть холод, страх, мерзость.

Чтобы забыть свою прежнюю жизнь.

* * *

Последнее движение смычка Николь Хэтэуэй. В течение двух тактов в зале стоит полная тишина. Та самая знаменитая тишина после Моцарта, когда кажется, что он, Моцарт, все еще звучит, и вдруг... мощные аплодисменты, сметающие музыку.

Исполнительница склоняет голову, получает букет, пересекает зал, принимая поздравления со всех сторон. Пусть приглашенные изливают восторги, источают похвалы — Николь знает, что ее исполнение не было потрясающим. Она сыграла эти сонаты безукоризненно, технично, кристально чисто и очень выразительно.

Но без души.

С отсутствующим видом она механически пожимает кому-то руки, слегка прикасается губами к шампанскому, и ей уже хочется ускользнуть.

— Ты хочешь вернуться, дорогая?

Она медленно оборачивается на этот успокаивающий голос. Это Эрик, ее компаньон, стоит перед ней с бокалом мартини. Ее поверенный и вот уже несколько месяцев в какой-то мере спутник жизни. Всегда рядом — он был с ней всегда, когда она в этом нуждалась.

— Да. У меня кружится голова. Отвези меня домой.

Не дожидаясь ответа, он устремляется в вестибюль и уже протягивает ей серое фланеле-

вое манто. Она укутывается в него, запахнув воротник.

Быстро попрощавшись, они спускаются по величественной мраморной лестнице. А в это время наверху праздник только начинается.

— Я тебе вызову такси, — предлагает Эрик уже в вестибюле. — Схожу в контору и догоню тебя.

— Я с тобой, это всего лишь пять минут.

— Зачем? Такая скверная погода.

— Мне хочется пройтись и подышать свежим воздухом.

— Но это может быть опасно!

— С каких это пор стало опасным пройти пешком триста метров? И потом, ты ведь рядом.

— Как хочешь.

Они в молчании вступают на тротуар и сквозь пронизывающий холод быстро доходят до 5-й авеню. На улицах все еще мало машин. Снег продолжает заваливать город тяжелыми бесшумными хлопьями.

Машина вот уже в каких-нибудь ста метрах, сразу за Брайант-парком. Когда стоит хорошая погода, это место — приятный зеленый уголок, идеальный для вылазки на солнце, пикника или партии в шахматы вблизи фонтана. Но этим вечером оно, погруженное в темноту, выглядит зловещим и пустынным...

— Давай ДЕНЬГИ!

Николь слабо вскрикивает.

Перед ее глазами молнией сверкает нож.

— Деньги, говорю тебе! — приказывает обладатель ножа.

Это человек неопределенного возраста, очень крупный и мощный. Его бритый череп высовывается из-под темной ветровки, спускающейся до колен. Все лицо, даже дырки малюсеньких глаз, горящих демоническим огнем, пересекает грубый шрам.

— БЫСТРЕЕ.

— О'кей, о'кей! — сдается Эрик, доставая бумажник, протягивая еще и «брайтлинг»¹, и мобильный телефон.

Человек хватает все это и подходит к Николь — у нее сумка и футляр со скрипкой.

Она старается скрыть волнение. Не в силах выдержать взгляд грабителя, Николь просто закрывает глаза. Преступник срывает жемчужное кольцо, а она повторяет про себя алфавит в обратном порядке. Быстро, быстро, как в детстве, чтобы победить страх.

«Зед, уай, экс, дабл ю, ви, ю...»

Это все, что она смогла придумать, чтобы отвлечься, ожидая момента, когда все это станет лишь дурным воспоминанием.

«Ти, эс, а, кью, пи, оу...»

Он сейчас уйдет, ведь он взял все, что хотел: деньги, телефон, драгоценности...

¹ «Б р а й т л и н г» — швейцарские наручные часы.

«Эн, эм, эль, кей, джей, ай, эйч...»

Он сейчас уйдет, ему ни к чему нас убивать.

«Джи, эф, и, ди, си, ви, эй...»

Но когда она открывает глаза, человек все еще перед нею. Он берет нож, чтобы нанести ей удар.

Эрик увидел взмах ножа, но, парализованный страхом, даже не шелохнулся, чтобы защитить ее.

Почему его поведение не удивило ее?

А впрочем, у нее нет больше времени что-либо сделать. Беспомощная, Николь покорно наблюдает, как лезвие ножа вот-вот перережет ей горло.

А все-таки, что же было ее жизнью?

Многообещающий дебют, блестящее общество, а потом падение в ад. И вот — бесславный, внезапно наступивший конец. Горькое ощущение: я — героиня с незавершенной историей.

Странно. Говорят, что в момент смерти перед человеком быстро, один за другим, пролетают важнейшие моменты его жизни. А Николь видит только одну сцену: бескрайний пляж, никого, только два человека, они радостно машут ей руками. Она четко видит их лица. Одно из них принадлежит единственному мужчине, которого она любила, но не смогла удержать. А второе — ее дочери, которую она не смогла защитить.